

№ $\frac{25}{5}$

ВОСПОМИНАНІЯ

о

НА ПОЛЕОНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

НАПОЛЕОНЪ,

Гг. Арно, члена Французской Академіи; Капитана Форести, наставника герцога Рейхштадтскаго; Годена, министра финансовъ времянъ Имперіи; Юлія Жавена; Графа Ласъ-Казаса; барона Мортемара, бывшаго ординарца императорскаго; генераль-лейтенанта, барона Пелё, пера Франціи; аббата Прадта, бывшаго архіепископа Мехельнскаго; Фредерика Сульё; Тиводд, бывшаго государственнаго совѣтника и проч; и Г-жъ: герцогини д'Аврантесъ, графини Бради, Дюранъ и проч.

СОБРАННЫЯ И ПРИВЕДЕННЫЯ ВЪ ПОРЯДОКЪ

ЭМИЛЕМЪ МАРКО ДЕ СЕНТЬ-ИЛЕРОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Изданіе Федора Наливкина.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября 13 дня 1838 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

МОЙ ПЕРЕБЪЗДЪ ЧЕРЕЗЪ МОРЕ.

Утромъ, въ день отплытія, явился я, съ Реньо-де-С.-Жанъ-д'Анжели къ Генералиссимусу, у котораго должны были собраться все пассажиры *Востока*. Чась спустя, корабль этотъ уже снимался съ якоря.

Не безъ труда выбралась эскадра изъ гавани. Многіе корабли достали дно, однакожь не стали; но нашъ, огромный, стодвадцати-пушечный корабль, остановился. Онъ такъ замѣтно склонялся на бокъ, что многочисленные зрители, покрывавшіе берегъ и особенно госпожа Бонапарте, смотрѣвшая съ балкона Интендантства, начинали страшиться за насъ; но опасенія эти были напрасны: освобожденный *Востокъ*, привѣтствуемый всеобщими восклицаніями и заллами съ другихъ кораблей и съ крѣпости, при звукахъ военной музыки, величественно вышла въ открытое море.

Умилительно было видѣть этѣ тысячи людей, ввѣрившихъ себя счастью одного человѣка; людей, незнавшихъ надолго ли и зачѣмъ плывутъ они и, не

смотря на это, радостно покидавшихъ отечество и довѣрчиво предававшихся неизвѣстной будущности. Они считали себя счастливыми, а большинство націи завидовало имъ. Они были избраны изъ среды многочисленныхъ соискателей: цѣлое войско охотниковъ, оставшихся во Франціи, войско, почти равное отплывающей арміи, утѣшало себя надеждою на новую экспедицію, которая долженствовала непосредственно слѣдовать за первою. Никогда однакожь, ни одной экспедиціи, не предстояло столько очевидныхъ опасностей, никогда ни одна экспедиція не нуждалась такъ въ покровительствѣ судьбы, какъ наша. Флотилія погибла бы, еслибъ на пути встрѣтилась съ Англичанами: многочисленность десантнаго войска погубила бы ее.

Сухопутное войско утравало экипажи кораблей, и безъ того уже совершенно комплектные, а на судахъ все лишнее мѣшаетъ дѣлу: въ случаѣ битвы не было бы удобно управлять движеніями корабля, и ядро непріятельское необходимо встрѣтилось бы трехъ человѣкъ тамъ, гдѣ, при обыкновенномъ порядкѣ вещей, ему слѣдовало бы встрѣтить одного только человѣка, или даже и ни одного. Палубы были загромождены артиллерійскими орудіями и лошадьми. Въ случаѣ нападенія, все это слѣдовало бы побросать въ море. Даже и самая побѣда повредила бы усіяху экспедиціи. Дай Богъ, чтобы Бонапартъ не встрѣтился на пути съ побѣдою! думалъ я, взбираясь на корабль Адмиральскій.

Флотилія выбралась въ открытое море; пассажиры были размѣщены по каютамъ.

Подали первый обѣдъ. Военные и гражданскіе чиновники заняли мѣста за этимъ обѣдомъ, по своимъ чинамъ и должностямъ. Меня — хоть у меня не было ни чина, ни должности — помѣстили съ Реньо за особливимъ столомъ, за которымъ обѣдали только Адмиралъ да Главнокомандующій.

При такомъ размѣщеніи, обѣдавшіе за большимъ столомъ имѣли болѣе свободы, а Генералиссимусъ имѣлъ возможность пригласить за свой особливый столикъ того изъ военныхъ, кого желалъ онъ отличить предъ другими, или того изъ гражданскихъ чиновниковъ, котораго хотѣлъ вознаградить этимъ приглашеніемъ за оскорбленія нѣкоторыхъ господъ военныхъ.

На другой же день послѣ отплытія Бонапарту пришлось вознаграждать очень многихъ, а въ томъ числѣ, къ несчастію, и меня.

Наканунѣ за столомъ все шло хорошо: военные были помѣщены съ военными, гражданскіе чиновники — съ гражданскими. Но вечеромъ господа военные задумали завести свой порядокъ. Послѣ ужина каютъ-компанію раздѣлили холстинными занавѣсками на столько кабинетцовъ, сколько было обѣдающихъ за большимъ столомъ, и, во избѣжаніе всѣхъ недоразумѣній, составили роспись, съ отмѣткою номера и владѣльца каждаго кабинетца. Въ слѣдствіе этого распоряженія, каждый приказалъ помѣстить въ отведенной ему комнаткѣ свою койку и свои вещи. Простаясь съ Генераломъ, у котораго я провелъ вечеръ, я расположился было вступить во владѣніе

моею спальнею, но, къ величайшему удивленію, увидѣлъ, что, вопреки утвержденного порядка, въ ней помѣстился какой-то офицеръ и безъ дальнихъ церемоній завладѣлъ спокойною койкою, отведенною мнѣ интендантомъ флота. Я хотѣлъ-было поспорить съ похитителемъ, — какъ вдругъ услышалъ слѣдующій разговоръ одного офицера съ его слугою:

— Выбрось этотъ чемоданъ и положи на его мѣсто мой.

— Да вѣдь это, сударь, чемоданъ гражданина Берголета и кабинетецъ-то отведенъ гражданину-же.

— Эта комнатка рядомъ съ кабинетомъ генерала Дюфалга: по дѣламъ службы я не долженъ отлучаться отъ генерала, слѣдовательно и комнатка эта принадлежитъ мнѣ. Ну, выбрось же этотъ чемоданъ.

— Да куда же, сударь, прикажете выбросить его?

— Куда ты хочешь... хоть къ чорту!—Вслѣдъ за этимъ офицеръ помѣщается въ койкѣ, взятой приступомъ. Слуга его несетъ чемоданъ въ смежный кабинетъ; но смежный кабинетъ занимаетъ бригадный командиръ; подлѣ бригаднаго помѣщается баталіонный, къ баталіонному примыкають другіе офицеры и чемодану нѣтъ мѣста. Однимъ словомъ, ученый, — хоть онъ и былъ членомъ института, также какъ и главнокомандующій — долженъ былъ помѣститься въ хвостъ колонны, какъ какой-нибудь поручикъ.

Чего же долженъ былъ ждать я, который не былъ ни подпоручикомъ, ни членомъ института? Досадуя, что лѣта и заслуги Бертолета были такъ мало уважены, и будучи увѣренъ, что со мною поступятъ недлучше, я ушелъ къ адмиралу, который былъ хорошо расположенъ ко мнѣ, и еще не забылъ, что за годъ до того я доставилъ ему въ Корфу 50,000 франковъ. Я рассказалъ Адмиралу о случившемся.

— Любезный другъ, сказалъ мнѣ Брюз, иѣкогда вы помогли мнѣ, а теперь я постараюсь выручить васъ изъ хлопотъ. Койки я вамъ предложить не могу, но вотъ вамъ матрацъ и одѣяло. Вамъ придется обойтись безъ особой комнаты; впрочемъ, васъ помѣстятъ очень покойно. Матрацъ вашъ постелятъ на полу, въ канцеляріи главнаго штаба, подъ койками секретаря главнокомандующаго Бурьена, и дежурнаго адъютанта Дюрока, рядомъ съ матрацомъ провіантъ-мейстера Колло, съ которымъ сыграли такую же шутку, какъ и съ вами.

Я очень обрадовался матрацу и расположился подъ постелью Дюрока, подлѣ Колло, матрацъ котораго былъ разостланъ подъ койкою Бурьена. Еслибъ всѣ тѣ, которые находились въ этомъ углуку корабля, вздумали соединить свои денежные запасы, то составилось бы, навѣрное, до двухъ милліоновъ франковъ наличными, хоть мнѣ, Дюроку да и Бурьену, именно и не доставало этихъ двухъ милліоновъ для того, чтобъ быть милліонерами.

На другой день послѣ обѣда, я отправился, вмѣстѣ съ другими, къ главнокомандующему. Генераль разговаривалъ съ Брюз и Бертье.

— Ну что, Арно, сказалъ мнѣ Бонапартъ, каково вы провели нынѣшнюю ночь?

— Такъ хорошо, Генераль, какъ только можно провести ее подъ кроватью.

— Подъ кроватью?

— Да, — и притомъ я бы долженъ былъ спать на полу, еслибъ не сжалился надо мною Адмираль.

— Развѣ у васъ не было кровати? или вамъ не дали комнаты?

— Все это было дано мнѣ и все это у меня отняли.

— Да кто жъ это?

— Не знаю.

— Я хочу знать!

— Позвольте мнѣ, Генераль, молчать объ этомъ. Прилично ли мнѣ жаловаться, когда человекъ, имѣющій гораздо болѣе меня права на уваженіе, не получилъ ничего, когда Бертолетъ былъ выгнанъ изъ комнаты, самими вами ему назначенной, и когда онъ не жалуется на это?

— Что̀ это значить, Бертъе? Бертолетъ обиженъ! Развѣдайте объ этомъ и донесите мнѣ.

Бертъе было не трудно увѣриться въ истинѣ словъ моихъ. И въ этотъ же самый вечеръ Бертолетъ былъ помещенъ въ кабинетцѣ, ему назначенномъ, а хищникъ арестованъ на недѣлю, что̀ оскорбило его — нечего таить — гораздо болѣе, чѣмъ меня.

Однакожь этотъ урокъ не исправилъ его, какъ кажется: на другой же день послѣ этого онъ точно также оскорбилъ главнаго врача арміи, и, на этотъ разъ, поступилъ вдвойнѣ неосторожно. Самый добросердечный докторъ имѣеть тысячу возможностей отмстить за себя, а этотъ врачъ былъ очень недобросердеченъ.

— Припомните, мой милый, что не должно никого обижать; не должно обижать даже главнаго врача, сказала Деженеть своему неблагоприятному обидчику.

Каждый вечеръ, каждое утро, или, лучше сказать, безпрестанно, Бонапартъ требовалъ донесеній о состояніи здоровья арміи. Въ войскѣ появилась оспа: одинъ корабль былъ обращенъ въ госпиталь; въ этотъ госпиталь отправляли всякаго, у кого замѣчали малѣйшіе признаки оспы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ приключенія, которое я рассказываю, главнокомандующій спросилъ у главнаго врача:

— Всѣ ли здоровы на *Востоки*?

— Всѣ, Генераль, за исключеніемъ одного человѣка.

— Кто это?

— Такой-то. Онъ легъ вчера съ головою болью и дурно спалъ нѣтъшнюю ночь, а сегодня присыпалъ за мною.

— Ну что, каковъ онъ?

— Да.....не слишкомъ-то хорошъ. Головная боль еще не прошла. у него лихорадка.

— Головная боль...! лихорадка?...

— Опъ жалуется и на боль въ сердцѣ, Генераль.

— И боль въ сердцѣ! Да вѣдь это признаки оспы?

— Да, ослу узнають по этимъ признакамъ.

— Такъ у него оспа?

— Я не говорю этого, Генераль: быть можетъ, что это вовсе не оспа.

— Но ручаетесь ли вы, что это не оспа?

— Ручаться я не могу и тогда, когдабъ у него дѣйствительно была оспа.

— Въ такомъ случаѣ, отправить его въ госпиталь. Путешествіе не повредитъ ему, если это неважная болѣзнь; еслижъ, напротивъ того, у него оспа, то мы, быть можетъ, спасемъ цѣлую тысячу изъ трехъ тысячъ, находящихся на *Востоки*. Отправьте больного и подумайте объ ответственности своей. Я предоставляю вамъ дѣйствовать, какъ вы признаете за лучшее.

Деженеть возвращается къ постели больного, щупаетъ ему пульсъ, приказываетъ показать языкъ.

— Какъ вы его находите? спрашиваетъ Бертье, который по приказанію Генерала присутствовалъ при этомъ посѣщеніи.

— Въ томъ же положеніи, какъ и прежде.

— Сей часъ спустить шлюпку; а вы, любезнѣйшій извольте одѣться.

— Впрочемъ, если хотите, васъ перенесутъ на вашей постель, какъ вы есть, сказалъ докторъ.

— Перенесутъ, куда? воскликнулъ больной.

— Въ госпиталь, отвѣчалъ Бертье.

— Онъ очень близко отсюда.... три четверти мили.... или миля, никакъ не болѣе; море теперь тихо, вѣтеръ хорошъ: васъ переправятъ очень скоро, присовокупилъ докторъ.

— Да вы, кажется, думаете, что у меня оспа? Развѣ въ самомъ дѣлѣ у меня оспа, докторъ?

— Я не говорю этого.

— Слышите, Генералъ, у меня нѣтъ оспы. Не правда ли, любезный докторъ?

— Я не говорю вамъ и этого, отвѣчаетъ любезный докторъ.

Возраженій больнаго не послушали—ему пришлось одѣться. Два матроса взяли его вещи. Докторъ велъ его подъ руку до самой лѣстницы.

— Не ужели у меня оспа? сказалъ онъ проводнику своему.

— Не думаю, отвѣчалъ Деженеть, и даже надѣюсь, что дня черезъ три вы воротитесь къ намъ здоровехоньки.

— Такъ зачѣмъ же....

— Зачѣмъ? вотъ хорошо! будто бы я могу за что-либо ручаться! Отвѣтственность моя велика. Сча-

стливаго пути, любезный другъ! смотрите не унывайте, въ госпиталѣ не очень весело. Вамъ достанетъ времени подумать обо всемъ и даже о томъ, о чемъ я недавно говорилъ вамъ.

— Да о чемъ же говорили вы мнѣ, любезный докторъ?

— Я говорилъ вамъ, что не должно обижать ни одного человѣка, не должно обижать даже главнаго врача арміи.»

Вскорѣ шлюбка унесла нашего больнаго въ госпиталь. Черезъ день больной возвратился: онъ былъ здоровъ и вѣжливо, какъ не лзя болѣе. Урокъ или, лучше сказать, леченье, такъ подѣйствовали на него, что онъ даже благодарилъ доктора, который разсказалъ мнѣ это происшествіе.

Мало по малу всѣ мы привыкли къ своей незавидной участи. Жалобы стихли; неудобства, необходимыя при такомъ порядкѣ вещей, уже не возбуждали ропота; только ссоры возмущали, по временамъ, спокойствіе нашего переѣзда. Къ сожалѣнію, христіанское смиреніе не было въ то время господствующею добродѣтелью и особенно между господами военными.

Но всего болѣе терпѣли мы отъ скуки. Въ первые дни переѣзда пассажиры убивали время за карточными столами; но вскорѣ пришлось отказаться и отъ этого развлеченія, потому что игроки проигрались, и деньги сосредоточились въ кошелькахъ немногихъ изъ нихъ. Принялись за чтеніе; ключъ

отъ бібліотеки былъ у меня и я попалъ въ важные люди.

Вручая мнѣ этотъ ключъ (на другой день послѣ отплытія) главнокомандующій приказалъ мнѣ ссужать книгами только тѣхъ, кого принимаетъ онъ въ залу совѣта, заступавшей мѣсто гостиной, и при томъ съ тѣмъ, чтобы книги читались только въ бібліотекѣ. — Не давайте имъ ничего, кромѣ романовъ, — присовокупилъ онъ: историческія книги мы побережемъ для себя.

Въ первые дни книгъ требовали мало, я уже сказалъ по какой причинѣ; но требованія увеличились, когда несчастливые игроки, по примѣру Реньера, задумали искать утѣшеній въ философіи. Нашей коллекціи романовъ едва доставало для охотниковъ; читающіе располагались на диванахъ бібліотеки и оставались въ ней съ самаго завтрака до бѣда. Порой приходилъ къ намъ и Бонапартъ; во время этихъ посѣщеній онъ обыкновенно шутилъ, по своему, съ кѣмъ нибудь изъ чиновниковъ, то есть или дралъ за уши или всклокочивалъ волосы. Эта послѣдняя шутка ни кому не причиняла большихъ бѣдъ, потому что всѣ, начиная съ Бертье, были уже обстрижены à la Titus.

Въ одно изъ этихъ посѣщеній, главнокомандующему вздумалось узнать, что именно читаетъ каждый изъ его подчиненныхъ.

— Что у васъ въ рукахъ, Бессьеръ?

— Романъ, генераль.

— А у тебя, Евгений?

— Романъ, генераль.

— А у васъ, Бурьень?

— Романъ, генераль.

Г. Бурьень читаль въ это время *Павла и Виргиню*, сочиненіе, которое, сказать мимоходомъ, очень не правилось Г. Бурьену.

Дюрокъ читаль тоже романъ, также какъ и Бертье, который на этотъ разъ спросилъ у меня что нибудь посентиментальнѣе, и заслулъ съ *Страданіями Вертера*.

— Это прилично читать однѣмъ горничнымъ, сердито сказалъ Бонапартъ, больной въ эту минуту морскою болѣзнію. Не давайте имъ ничего, кромѣ историческихъ книгъ: мужчины не должны читать романовъ.

— Такъ ктоже будетъ читать наши романы, генераль? сказалъ я: вѣдь у насъ нѣтъ здѣсь горничныхъ.

Бонапартъ вышелъ, не сказавъ ни слова, и я не счелъ необходимымъ въ строгости исполнить его приказаніе, потому что въ противномъ случаѣ никто и не заглянулъ бы въ бібліотеку. Историческія книги читаль одинъ Сулковскій.

Сулковскій (онъ былъ адъютантомъ главнокомандующаго) былъ человекъ весьма умный и храбрый; онъ иногда слишкомъ строго судилъ своего начальника, но, ненавидя Бонапарта, всегда удивлялся ему; и не смотря на эту ненависть, Бонапартъ могъ, безъ всякаго опасенія, положиться на честность и преданность своего адъютанта.

Иногда главнокомандующій по цѣлымъ утрамъ лежалъ, совершенно одѣтый, на своей постелѣ.

Однажды Дюрокъ позвалъ меня къ нему, по его приказанію.

— Вы заняты чѣмъ нибудь? сказалъ онъ.

— Ничѣмъ, генераль.

— Я тоже. Въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ жизни, Бонапартъ говорилъ, что онъ не занятъ ничѣмъ.... Станемъ читать что нибудь: это займетъ насъ обоихъ.

— Чтожъ мы будемъ читать? что нибудь философическое? что нибудь политическое или стихотворное?

— Стихотворное.

— Когоже изъ поэтовъ?

— Кого вы хотите.

— Не угодно ли отца поэзіи, Гомера?

— Будемъ читать Гомера.

— Иліаду, Одиссею или Ватрахомиахію?

— Что?... что такое?

— Битву мышей съ лягушками или войну Грековъ съ Троянцами, или странствованія Улисса. Приказывайте, генераль.

Войну теперь въ сторону: мы путешествуемъ,—будемъ-же читать путешествія; однакожъ я мало читалъ Одиссею: возьмите Одиссею.

Вос. о Нап.

2

Я принесъ Одиссею; главнокомандующій позвалъ Дюрока и приказалъ не впускать къ намъ ни одного человѣка. Дюрокъ вышелъ и оставилъ меня съ глазу на глазъ съ Бонапартомъ, съ этимъ членомъ института и главнокомандующимъ восточною арміею, съ человѣкомъ, который ведетъ въ Египетъ цвѣтъ французскаго народа.

— Съ чего прикажете начать, генераль?

— Съ начала.

И вотъ я принимаюсь возглашать о Пенелопѣ, о расхищеніи сокровищъ мудраго Улисса, возглашать о томъ, какъ герои Гомера рѣзали быковъ, рубили ихъ на части, жарили, варили и ѣли, запивая виномъ.

Это простодушное изображеніе нравовъ древности показалось моему слушателю очень забавнымъ.

— И вы выдаете это за прекрасное! сказалъ онъ: ну ужъ герои! да это просто мародеры, негодяи. Я бы приказалъ разстрѣлять нашихъ поваровъ, еслибъ, во время компаніи, они вздумали вести себя подобно вашимъ героямъ. Хороши цари, нечего сказать!...

Напрасно старался я обратить вниманіе его на изящество описаній этихъ простыхъ нравовъ; напрасно повторялъ я, что Гомеръ изображаетъ времена отдаленныя, а не наши, что вѣрность этихъ изображеній есть немаловажное ихъ достоинство, что тогдашніе цари были не богаче и не могущественнѣе бароновъ среднихъ вѣковъ, — онъ не соглашался со мною.

— А вы, господа поэты, называете это высоким! говорилъ онъ смѣясь. Можно ли равнять моего Оссіана съ вашимъ Гомеромъ! Давайте читать Оссіана.

Нѣкогда подъ подушкою у Александра великаго лежали творенія Гомера. Точно также у кровати Бонапарта лежалъ на столикѣ экземпляръ Оссіана, богато переплетенный въ кожу, съ золотымъ бордюромъ по краямъ, съ позолотою на корешкѣ. Бонапартъ взялъ этотъ экземпляръ и началъ читать свою любимую поэму — *Телору*.

Наполеонъ былъ небольшой мастеръ читать вслухъ. По нещивычкѣ къ подобному чтенію, онъ произносилъ иногда *t* вмѣсто *s*, а иногда *s* вмѣсто *t*, и нерѣдко, по своей поспѣшности, замѣщаль слова текста совершенно другими словами. При такомъ родѣ чтенія, поэтической энтузіазмъ его былъ очень смѣшонъ.

— Этѣ мысли, этѣ чувства, этѣ изображенія, — говорилъ онъ, истинно благородны; можно ли равнять ихъ съ пустословіемъ вашей Одиссеи? Вотъ истинно великое, нѣжное и высокое! Оссіанъ поэтъ, а Гомеръ, просто, враль.

— Ваша правда, генераль, Гомеръ иногда завирается: Горацій, также какъ и вы, упрекаетъ его за это; однакожь я не думаю, чтобы Горацій былъ одинаковаго съ вами мнѣнія объ Оссіанѣ, еслибъ Горацію случилось воскреснуть. Ему, безъ сомнѣнія, понравились бы первыя страницы шотландскаго барда, но послѣдующія показались бы однообразными. Впрочемъ, меня никогда не упрекнутъ въ нелюбви къ Оссіану. Я дивлюсь красотамъ его, я люблю даже не-

достатки его, но я не даю ему предпочтенія ни передь однимъ изъ извѣстныхъ поэтовъ эпическихъ, а тѣмъ болѣе передь Гомеромъ, если не самымъ совершеннымъ, такъ самымъ высprenнимъ изъ всѣхъ этихъ поэтовъ.

Бонапартъ, не любившій уступать въ спорѣ, хотѣлъ было возразить, какъ вдругъ отворяется дверь и входитъ Дюрокъ.

— Что это значить? сказалъ Бонапартъ, нахмуривъ брови. Что вамъ надобно? я не звалъ, я не звонилъ.

— Генераль, эскадра легла въ дрейфъ; генераль Клеберъ пріѣхалъ на *Востокъ* и желаетъ видѣться съ вами. Онъ теперь въ залѣ совѣта.

— Я приказалъ вамъ не входить ко мнѣ, покуда я не позволю. Развѣ я звонилъ? какъ же вы смѣете не исполнять моихъ приказаній?

— Я думалъ, генераль, что такой случай....

— Вамъ, сударь, не слѣдуетъ думать, а исполнять то, что приказываютъ. Извольте выйти вонъ и не входите, пока я не позволю.... Идите-же....

Смущенный Дюрокъ вышелъ, да и я самъ былъ смущенъ не менѣ бѣднаго адъютанта. За взрывомъ послѣдовало нѣсколько секундъ молчанія. Когда всѣ признаки гнѣва главнокомандующаго исчезли, я сказалъ Бонапарту:

— Генераль, вы обошлись съ бѣднымъ Дюрокомъ слишкомъ сурово, а онъ думалъ угодить вамъ.

— Развѣ онъ не военный? развѣ онъ не знаетъ, что значить приказаніе?

— Его извиняютъ обстоятельства: быть можетъ генераль Клеберъ имѣеть надобность переговорить съ вами о чемъ нибудь важномъ и, безъ сомнѣнія, о чемъ нибудь болѣе важномъ, нежели то, о чемъ я говорилъ съ вами.

— Никто не имѣеть права входить въ разсмотрѣніе нашихъ занятій; разговоръ нашъ, какъ бы онъ важенъ ни былъ, все таки былъ бы прерванъ.

— Вы такъ сурово обошлись съ Дюрокомъ, что этотъ разговоръ сочтутъ очень важнымъ. Клеберъ подумаетъ, что мы рѣшаемъ судьбу цѣлаго свѣта, а мы разсуждаемъ о Гомерѣ, да объ Оссіанѣ.

Бонапартъ засмѣялся, всталъ и, не снимая туфель, пошелъ къ дверямъ:

— Идемъ къ Клеберу, сказалъ онъ.

Время было чудесное. Кажется на этомъ-то роздыхѣ соединился съ нами Барагэ-д'Илье, плывшій изъ Генуи. Очаровательный роздыхъ этотъ мнѣ очень памятенъ: величественный корабль адмиральскій стоялъ недвижимо; вокругъ него группировались триста перевозныхъ судовъ; а военные суда, одно за другимъ, проходили мимо его съ музыкою, сливавшаяся съ звуками музыки нашихъ колонновожатыхъ.

Музыка колонновожатыхъ была превосходная. Бонапартъ, зная, какъ сильно дѣйствуетъ на солдата гармонія, приказывалъ, болѣе изъ политики, чѣмъ изъ любви къ музыкѣ, — Бесьеру, командовавшему колонновожатыми, обращать всевозможное вниманіе на улучшение хора. И, благодаря стараніямъ этого генерала, музыканты колонновожатыхъ исполняли всѣ пьесы, даже самыя трудныя, доставляемыя имъ изъ

консерваторіи: они играли симфоніи Гайдена и увертюры изъ оперъ съ совершенною легкостію.

Съ какимъ наслажденіемъ слушалъ я этихъ музыкантовъ, когда они играли *la chasse du jeune Henry!* Никогда это дивное произведеніе гениальнаго Мегюля не приводило меня въ такое упоеніе, какъ въ это время.

Съ такимъ же восторгомъ услышалъ я марши, которые Мегюль сочинилъ, по моей просьбѣ, для восточной арміи; но, надобно признаться, эти марши не очень нравились военнымъ и даже самому главнокомандующему. Бонапартъ и не скрывалъ своего нерасположенія къ Мегюлю.

Однажды онъ заспорилъ со мною объ этомъ композиторѣ, и, по обыкновенію, не щадилъ его. Желая показать различіе между музыкаю безъ значенія и музыкаю, выражающею страсти, я сослался на Глюка и Саккини.

— О комъ это вы говорите мнѣ? сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ; — что это за люди? кой чортъ знаетъ ихъ?

— Генераль, возразилъ я съ нѣкоторою живостію, если вы не знаете этихъ людей, то съ вами о музыкѣ и говорить нельзя.

И я ушолъ.

На другой день Бонапартъ, не видя меня въ своей приѣмной, подозвалъ Реньо и сказалъ ему:

— Арно сердится на меня. Скажите ему, что я во все не имѣлъ намѣренія огорчить его: я шутилъ.

Разумѣется, что я тотчасъ явился въ приѣмную.

— Ну, что, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, вы все еще сердитесь на меня? вы отстаивайте Мегюля также, какъ и тѣхъ, которыхъ вы любите.

— Вы видите, генераль, какъ поступилъ бы я, еслибъ кто нибудь вздумалъ при мнѣ говорить про васъ дурно.

Съ этой минуты онъ никогда не говорилъ при мнѣ о Мегюлѣ.

Бонапартъ плохо понималъ музыку; онъ видѣлъ въ ней одно только развлеченіе. Музыка нравилась иногда его слуху, но никогда не трогала души его: это было слѣдствіемъ его организаціи. Онъ пѣлъ невѣрно, хоть и имѣлъ пріятный, звучный голосъ; онъ пѣлъ только тогда, когда былъ не въ духѣ. Въ этѣ минуты онъ прохаживался, скрестивъ руки на груди, и напѣвалъ какъ нельзя фальшивѣе. Что значило подобное пѣніе — было извѣстно всякому.

— Не проси теперь генерала о своихъ дѣлахъ онъ поетъ, сказалъ мнѣ однажды Жюно.

Мы были близъ Бастіи. Бертье, имѣя надобность, по порученію главнокомандующаго, быть въ этомъ городѣ, пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ. Мы ѣхали на фрегатѣ Артемиза, который, въ прошломъ году, входилъ въ составъ эскадры, отправленной въ Корфу. Съ нами же отправились Лавалетъ, Станделе и Колло. Во всю эту поѣздку Станделе рассказывалъ намъ свои приключенія и подвиги на морѣ. Добрый Бертье очень уважалъ храбрость: онъ полюбилъ Станделе и, въ послѣдствіи, сдѣлалъ ему много добра.

Въ путешествіи всегда узнаешь что нибудь новое: на этотъ разъ мы убѣдились, что матрацы наши, разостланные на полу *Востока*, были гораздо покойнѣ постелей, приготовленныхъ для насъ въ Бастіи. Мы очень плохо спали и очень плохо обѣдали въ этомъ городѣ, благодаря докучнымъ мошкамъ. За обѣдъ заплатилъ гражданинъ Колло и, на этотъ разъ, остался вѣчнымъ нашимъ кредиторомъ. На другой день къ полудню мы были уже на *Востоки*.

Эскадра плыла величественно, но тихо; медленность эта была невольная: эскадра должна была соображаться въ ходѣ съ транспортными судами и сверхъ того дожидаться разныхъ отрядовъ, которымъ слѣдовало соединиться съ нею въ назначенныхъ пунктахъ.

Право, стоило видѣть это величественное собраніе судовъ всѣхъ величинъ, этотъ, такъ сказать, плывучій городъ, въ которомъ линейные корабли высились надъ меньшими своими собратіями, какъ въ столицахъ высятся церкви надъ домами, городъ, въ которомъ колоссальный *Востокъ* заступалъ мѣсто огромнаго собора.

Днемъ, разсѣянные суда нашей эскадры занимали пространство почти въ двѣ мили въ діаметрѣ, но вечеромъ они собирались по сигналу и группировались около линейныхъ кораблей, какъ овцы около своего пастуха, какъ цыплята около насѣдки. Перевозныя суда, завербованные противъ воли, шли за эскадрою нехотя и, въ надеждѣ спастись ночью, не рѣдко отставали. Тутъ-то начиналась настоящая травля. Словно собака, которая отыскива-

еть овцу, отставшую отъ стада, — какой нибудь фрегатъ пускался въ погоню за дезертеромъ и приводилъ его къ флотилии. При этомъ случаѣ въ бѣглеца стрѣляли изъ пушекъ, но старались цѣлить такъ, чтобы ядра не попадали въ борта его. За каждый изъ этихъ выстрѣловъ дезертеръ обязанъ былъ платить по восьмидесяти франковъ въ пользу корабля, его обстрѣливавшего. Въ случаѣ же упорнаго нежеланія воротиться къ эскадрѣ, мятежному бѣглецу угрожало потопленіе. Этого требовала безопасность эскадры: скрывшійся бѣглець могъ повстрѣчаться съ эскадрою Нельсона, крейсировавшею тогда въ Средиземномъ морѣ, и предать насъ.

По этой же самой причинѣ были задерживаемы всѣ суда, съ которыми мы встрѣчались, какой бы націи эти суда ни принадлежали. Впрочемъ главнокомандующій съ умѣренностію пользовался правомъ сильнѣйшаго.

Отобравъ отъ капитановъ встрѣчаемыхъ судовъ необходимыя свѣдѣнія, Бонапартъ отпускалъ ихъ на честное слово.

Особенно благоволилъ онъ къ шведамъ и черезъ два мѣсяца стокгольмскія газеты были наполнены похвалами и изъявленіями благодарности генералу Бонапарту.

А. В. Арно,

членъ французской академіи

ВЗЯТІЕ МАЛЬТЫ (1).

— 1798 —

.....
Я понялъ все это, я понялъ, что Мальта была въ опасности.

— Какъ! во время мира! безъ объявленія войны! воскликнулъ я.

— Что за миръ? возразилъ генераль Дезз: мы поднимаемъ перчатку, брошенную намъ враждующею Европою. Вотъ прочтите повелѣніе правительства.

«Исполнительная Директорія, принимая во вниманіе, что Мальтійскій Орденъ съ самаго начала настоящей войны поступаетъ съ Франціею непріязненно; что непріязненныя чувствованія его къ Франціи выражены въ манифестъ его гротъ-мейстера; что, въ этомъ манифестъ, Орденъ объявилъ, что оцъ не долженъ, не можетъ и не желаетъ признать Республику Французскую; что еще въ весьма недавнее время Орденъ принялъ подъ свое покровительство и допустилъ къ исправленію важнѣйшихъ должностей такихъ Французовъ, которые повсемѣстно были признаны врагами своего отечества и подняли противъ него оружіе; что изо всѣхъ поступковъ Ордена видно намъ-

реніе предать владѣнія его державѣ, находящейся въ войнѣ съ Франціею, и тѣмъ воспрепятствовать плаванію судовъ французскихъ по Средиземному морю; что Орденъ находится точно въ такихъ отношеніяхъ съ Республикою Французскою, въ какихъ находились съ нею, во время конституціоннаго правленія, всѣ тѣ державы, съ которыми она тогда воевала, и что, въ слѣдствіе этого, Исполнительная Директорія имѣетъ полное право приступить, и безъ соизволенія Законодательнаго Корпуса, къ мѣрамъ для защиты чести и выгодъ французскаго народа; а потому:

« Пунктъ 1. Главнокомандующему восточною арміею предписывается завладѣть островомъ Мальтою.»

« Пунктъ 2. Для этой цѣли главнокомандующій имѣетъ немедленно употребить сухопутныя и морскія силы, подъ начальствомъ его состоящія.»

Я еще дочитывалъ это повелѣніе, какъ вдругъ раздался смѣшанный шумъ голосовъ и оружія. На горизонтѣ появился цѣлый лѣсъ мачтъ; никто не зналъ, нашъ ли это флотъ или англійскій. Всѣ спѣшили приготовиться: уставляли пушки, суетились. Слабый лучъ надежды еще озарялъ насъ, но и этотъ лучъ угасъ скоро.... — безпокойство наше достигло послѣдней степени. Вдоль береговъ скользили фрегаты; гавань и море были перехвачены.... Мы, однакожь, не сробѣли, пошли на встрѣчу врагу.... подняли флагъ.... одинъ изъ непріятельскихъ фрегативъ отвѣчаетъ намъ тѣмъже.... но, о радость! флагъ, выставленный имъ, — французскій! Это наша эскадра, это *Востокъ*! Мы привѣтствуемъ соотечественниковъ

криками восторга. Генераль нашъ плыветъ на адмиральскій корабль и вскорѣ возвращается. Планъ атаки былъ уже составленъ: Ренье долженствоваль сдѣлать высадку на острова Гоццу и Коринно; Барагэ-д'Илье долженъ былъ взять баттарей св. Павла, а намъ приказано было выйти на твердую землю въ бухтѣ Марта-Сирокко.

Ночью за мною прислалъ Дезэ. — Все распредѣлено, сказалъ онъ мнѣ: вы сдѣлаете высадку съ 21 дивизіею, разсѣйте Мальтійцевъ и овладѣете ихъ земляными укрѣпленіями, сейчасъ только нами замѣченными. Съ духовенствомъ обходитесь какъ можно уважительнѣе: этого требуетъ главнокомандующій. Ренье, который не слишкомъ ладитъ съ духовными, даны по этому предмету самыя строгія приказанія. Онъ долженъ сдѣлать воззваніе къ жителямъ, но воззваніе самое простое: онъ долженъ сказать имъ, что мы не имѣемъ намѣренія измѣнить ни нравовъ, ни религіи; что во всемъ будетъ соблюдаемъ самый строгій порядокъ; что духовенство будетъ особенно покровительствуемо.

Савари, осматривавшій берегъ, долженъ былъ указать мнѣ удобнѣйшій пунктъ для высадки, и онъ назначилъ для этой цѣли ровное, пологое мѣсто; это показалось мнѣ подозрительнымъ: непріятель не могъ оставить такого удобнаго мѣста безъ всякой обороны; я взглянулъ на указанный пунктъ въ зрительную трубку: это была закрытая баттарей.

— Куда жъ вы ведете насъ? сказалъ я Савари. Развѣ вы не видите пушекъ?

Онъ не хотѣлъ вѣрить; но залпъ изъ пушекъ большаго калибра вскорѣ убѣдилъ его въ справедливости словъ моихъ. Мы поворотили въ другую сторону и пошли прямо къ утесистымъ скаламъ; однакожь чугунныя посылки были еще очень часты: экипажъ нашего корабля сробѣлъ и не сталъ слушаться. Я грозился сбросить труповъ въ море; но пять новыхъ батарей, открывшихъ въ эту минуту огонь, были убѣдительнѣе угрозъ моихъ. Солдаты схватились за весла и мы мигомъ пристали къ берегу. У Тамбореля наши войска ринулись на берегъ такъ рѣшительно, что отрядъ, оставленный для защиты Тамбореля и состоявшій, по крайней мѣрѣ, изъ тысячи человекъ, не дождался ихъ прихода и побѣжалъ.

Бухта, пушки, фортъ Роганъ, множество селеній — все это было наше. Мы подступали къ самому валу; въ эту минуту соединился съ нами генераль и поздравилъ насъ съ успѣхомъ.

— Еще остается взять, сказалъ я генералу, эти земляныя укрѣпленія; отрядъ нашъ усталъ, — не угодно ли вамъ сдѣлать рекогносцировку, покаместъ онъ будетъ отдыхать?

Мы отправились.

Отъѣхавъ нѣсколько отъ отряда, мы взглянули на укрѣпленія.... Это были стѣны отъ 30 до 40 футовъ въ вышину.

— Вотъ ваши земляныя укрѣпленія, сказалъ я смѣючись: прикажете взять ихъ?

Онъ остолбенѣлъ.

— Кто повѣритъ, сказалъ онъ наконецъ, чтобы такія неточныя свѣдѣнія были доставлены людьми знающими и долго жившими на мѣстѣ! Надобно вести переговоры: иначе съ ними не сладишь.

Валы были покрыты женщинами, дѣтьми, монахами и стариками. Это войско новаго рода вовсе не было грозно. Мы подъѣхали къ нему ближе; начались переговоры. Мы узнали, что въ крѣпости есть многочисленная партія, которая держитъ нашу сторону; что командоръ Боредонъ-Бансижъ, осмѣлившійся замѣтить гроссъ-мейстеру, что Орденъ клялся воевать съ Турками, а не съ Французами, и заключенный за это въ темницу, — былъ освобожденъ и получилъ приказаніе вступить въ переговоры съ главнокомандующимъ. Одинъ изъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ посовѣтовалъ намъ прекратить огонь и удалиться: «потому что, какъ выразился онъ, еще есть фанатики, которые рѣшатся стрѣлять по насъ.»

Мы послѣдовали этому совѣту и начали продолжать нашу реконгосцировку. Доѣхавъ до Кастельново, мы воротились въ Цаль-Цаэтонъ, гдѣ была наша главная квартира. Почти вмѣстѣ съ нами прибыли въ главную квартиру плѣнные форта Рогани, въ числѣ которыхъ находилось четыре кавалера. Одинъ изъ этихъ кавалеровъ — некто Лагеривьеръ — родился въ Пуату и некогда служилъ въ нашемъ флотѣ.

Вскорѣ явился къ намъ адъютантъ генерала Бертье, храбрый Летюркъ, съ извѣстіями, которыя подтверждали сказанное намъ Мальтійцами. Крѣпость сначала защищалась мужественно. Форты и

батареи дѣйствовали превосходно; перестрѣлка была страшная; но ужасъ жителей, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, робость, несогласія, а всего болѣе смѣлость, съ которою взошли мы на высоты, считавшіяся неприступными, поколебали твердость Совѣта. Онъ отправилъ къ главнокомандующему консула Батовской республики съ просьбою о вступленіи въ переговоры.

Жюно отправился для заключенія перемирія. Пусьельгъ и Доломье были уполномочены на заключеніе капитуляціи. Когда Летюркъ уѣзжалъ отъ насъ, къ намъ явился парламентаръ, который везъ въ фортъ Роганъ приказаніе прекратить пальбу. Но фортъ уже принадлежалъ намъ, и парламентаръ долженъ былъ воротиться къ своему гроссъ-мейстеру, съ донесеніемъ о потерѣ этого укрѣпленія.

Потомъ пріѣхалъ къ намъ Луи; онъ пояснилъ намъ то, что для насъ было еще непонятно. Дивизія генерала Ренье завладѣла островами Гоццы и Коришно. Овладѣвъ высотами, которыя были жарко оспориваемы, она болѣе не встрѣтила препятствій: форты сдавались, города отворяли свои ворота. Орденъ, стараясь вооружить противу насъ жителей, увѣрилъ ихъ, что мы намѣрены издать новыя постановленія о раздѣленіи земель. Тѣ, которые не владѣли ни чѣмъ, повѣрили Ордену, и захватили что было поближе и повыгоднѣе. Главный штабъ прекратилъ эти безпорядки.

Другія дивизіи были не менѣе счастливы.

Барагэ-д'Ильѣ овладѣлъ Нассіанскимъ ретраншаментомъ, Вобуа прогналъ милицію, Мармонъ за-

хватилъ знамя Ордена, а канонерскія шлюбки наши преслѣдовали флотилію. Гроссъ-мейстеръ соглашался сдать Мальту со всѣми ея фортами; оставалось согласиться въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ статьяхъ. Однакожь осторожный генераль Дезэ' рѣшился сдѣлать новую рекогносцировку.

Мы взяли съ собою нѣсколько офицеровъ, храбрость и способности которыхъ были намъ извѣстны, и осмотрѣли все пространство отъ Цаль-Цебара до самаго моря. Бѣлое знамя вѣяло подлѣ мальтійскаго знамени; мира надобно было ждать съ минуты на минуту. Мы доѣхали до самыхъ воротъ Котоньерскихъ: жители выбѣжали къ намъ во множествѣ—завязался разговоръ, и намъ удалось успокоить ихъ и убѣдить воротиться въ свои жилища.

Вы, быть можетъ, боитесь, сказалъ имъ генераль, воротиться всѣ вмѣстѣ? такъ пошлите по одному человѣку на каждый домъ для присмотра за вашимъ скотомъ и имуществомъ.

Этотъ совѣтъ понравился толпѣ: она готова была послѣдовать ему, какъ вдругъ явился какой-то офицеръ и вздумалъ-было воспрепятствовать исполненію этого благоразумнаго намѣренія, но онъ былъ принужденъ замолчать. Поселяне заставили отворить ворота и во множествѣ воротились въ свои жилища. Мы попросили начальника этого поста позволить намъ пробраться къ морю рвами: онъ не отказалъ намъ и мы отправились въ дальнѣйшую рекогносцировку. Но мы должны были останавливаться на каждомъ шагу и толковать съ толпами жителей, покрывавшихъ валы; всѣ Мальтійцы были противъ войны и мы проповѣдывали всѣмъ имъ миръ.

Одинъ кавалеръ, замѣтивъ насъ, подплылъ къ намъ въ лодочкѣ и сталъ приглашать ѣхать съ нимъ въ Мальту. Мы отблагодарили его за приглашеніе и удалились; но только что успѣли отъѣхать отъ него нѣсколько шаговъ, насъ догналъ бѣжавшій за нами молодой человекъ. Юноша бросается къ намъ на шею, извѣщаетъ, что миръ заключенъ, что наши войска займутъ городъ и укрѣпленія, и въ заключеніе приглашаетъ насъ отдохнуть въ его загородномъ домикѣ. Жаръ былъ нестерпимый, — насъ томила жажда; онъ принесъ намъ вѣсти пріятныя, какъ же было не принять его предложенія? и было за что сказать спасибо: вино было прекрасное, домикъ чудесный. Въ Цаль-Цаэтонѣ мы нашли многолюдное общество: это были мальтійскіе патріоты, явившіеся къ намъ съ поздравленіями.

Вскорѣ намъ привезъ одинъ адъютантъ и капитуляцію. Ордень уступалъ намъ Мальту и отказывался отъ правъ на всѣ острова, ей принадлежаціе. Въ замѣнъ за эту уступку, мы обязывались платить гроссъ-мейстеру ежегодно по сту тысячъ ефимковъ и по 700 франковъ каждому кавалеру. Главный Штабъ прислалъ намъ приказаніе занять крѣпость; войска были собраны и въ четыре часа мы вступили въ нее.

Генераль Фріанъ съ 61 дивизіею занималъ замокъ Сентъ-Анжъ. Я поставилъ 21 дивизію въ Катоньеръ, а дивизію генерала Вобуа въ Бумоль; дивизія Баррагэ-д'Илье расположилась въ другихъ частяхъ города; остальной части войска было предписано расположиться на ночь на бивакахъ. Намъ достались

два военныхъ корабля, два фрегата, множество галеръ и отъ 1500 до 1800 пушекъ. Въ теченіе трехъ дней мы овладѣли островомъ, который нѣкогда не взяли всѣ войска мусульманскія. Одинъ фортъ Сентъ-Эльмъ стоилъ Туркамъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ; островъ Сангль стоилъ имъ еще дороже.

Осматривая Мальту и любуясь ея укрѣпленіями, памятниками, и группами померанцевыхъ деревъ, которыя придаютъ такую прелесть жилищамъ, мы увидѣли длинную процессію. Это былъ епископъ, со всѣмъ своимъ духовенствомъ отправлявшійся къ главнокомандующему.

Епископъ приказалъ процѣть при насъ «Тебе Бога хвалимъ» и отправился въ Главный Штабъ.

Бонапартъ принялъ его очень ласково, и превознесши его пастырскія добродѣтели, его нежеланіе мѣшаться въ распри свѣтскія, сказалъ ему:

— Въ моихъ глазахъ нѣтъ ничего почтеннѣе служителя алтаря, который, исполняясь истиннымъ духомъ евангельскимъ, употребляетъ пастырскую власть свою на сохраненіе мира, тишины и согласія между православными, паствѣ его вѣрными. Религія должна быть чтима, духовенство должно пользоваться особеннымъ вниманіемъ и покровительствомъ; но время порождаетъ злоупотребленія. Вамъ это извѣстно — вы боролись съ ними въ продолженіе всей жизни вашей. Епископство есть служеніе святое и высокое; обрекающій себя на это служеніе долженъ быть — человѣкъ необыкновенный. Вы носите этотъ санъ съ честію; я желалъ бы однакожь, чтобы при-

ходскіе священники ваши были здѣшніе урожденцы. Это будетъ лучше. Нравственность, внушаемая единомозцемъ, легче проникаетъ въ душу. Впрочемъ, пынѣшніе доходы вашихъ церквей чрезвычайно недостаточны. Множество священниковъ не имѣютъ приходовъ; монастыри терпятъ недостатки, — люди, обрекшіе себя служенію алтаря, не должны быть въ бѣдности. Вотъ мѣры, принятыя мною для пользы народа и духовенства; мнѣ будетъ очень пріятно, если этѣ мѣры удостоятся вашего одобренія:

«Пунктъ 1. Всѣ священники, монахи и монахини (какого бы Ордена они ни были), не принадлежащіе къ природнымъ жителямъ Мальты и Гоццы, имѣютъ оставить островъ въ теченіе шести дней послѣ обнародованія настоящаго постановленія. Дѣйствіе этого постановленія не распространяется однакожь на епископа, по уваженію къ пастырскимъ его добродѣтелямъ.»

«П. 2. Всѣ приходы и мѣста, которые, въ слѣдствіе этого распоряженія, будутъ вакантными, имѣютъ быть отданы урожденцамъ Мальты и Гоццы.»

«П. 3. Въ санѣ монашеской дозволяется поступать перанѣ тридцати лѣтъ отъ роду; поставляютъ въ священники воспрещается до опредѣленія къ мѣстамъ всѣхъ, уже имѣющихъ санъ священнической.»

«П. 4. Въ Мальтѣ имѣетъ быть только по одному монастырю каждаго Ордена.»

«П. 5. Правительственная комиссія, обще съ епископомъ, назначить дома, въ которыхъ имѣютъ собираться лица одного и того же Ордена. Всѣ имѣнія,

въ которыхъ не будетъ надобности для содержанія монастырей, имѣють быть обращены на вспоможеніе бѣднымъ.»

«П. 6. Уничтожаются всѣ частныя религіозныя братства и всѣ общества кающихся. Одному только собору предоставляется право имѣть пятнадцать канониковъ въ Мальтѣ и пять въ Чивита-Веккіи.»

«П. 7. Строго воспрещается всѣмъ духовнымъ, ниже діаконскаго чина, носить отложный священническій воротникъ и рясу.»

«П. 8. По истеченіи восьми дней послѣ обнародованія настоящаго постановленія, епископъ обязанъ представить списокъ священниковъ съ засвидѣтельствомъ, что они дѣйствительно уроженцы Мальты и Гоццы, и съ наименованіемъ тѣхъ, которые, въ слѣдствіе настоящаго постановленія, имѣють оставить Мальтійскія владѣнія.»

«П. 9. Каждый настоятель Ордена обязанъ представить подобный списокъ комиссару, назначенному отъ правительства.»

«П. 10. Нарушитель настоящаго постановленія подвергается шестимѣсячному заключенію.»

«П. 11. Наблюденіе за исполненіемъ настоящаго постановленія возлагается на Правительственную Комиссію, состоящаго при ней комиссара и на дивизионнаго генерала.»

Епископъ почтительно поклонился. Не всѣ были довольны этими распоряженіями, но никто не смѣлъ

жаловаться, и мѣры принятія главнокомандующимъ, были одобрены.

Чиновники городскіе хотѣли было-сказать ему обычное привѣтствіе, но онъ остановилъ ихъ и сказалъ:

— Господа, городъ вашъ управляется хорошо, однакожь онъ не освѣщается по вечерамъ, фонтановъ въ немъ мало, а мостовыя его никуда не годятся. Въ стѣнахъ вашего города все безъ изъятія должно гармонировать между собою: порядокъ, чистота и общественныя удовольствія. Я позабочусь обо всемъ этомъ. Въ какомъ состояніи находитесь у васъ просвѣщеніе? дѣлаетъ ли оно успѣхи? Идете ли вы наравнѣ съ вѣкомъ? Есть ли у васъ кафедры физики, механики? Изучаютъ ли у васъ языки, химію? Надобно пещись о воспитаніи: оно есть основаніе спокойствія и благосостоянія государства. Я призову къ вамъ питомцевъ Политехнической Школы — вамъ извѣстно, что это учебное заведеніе лучшее во Франціи; — они передадутъ вашему юношеству всѣ свѣдѣнія, для него необходимыя. У васъ у самихъ, господа, есть дѣти, о воспитаніи которыхъ вы должны заботиться. Изберите изъ нихъ самыхъ понятливыхъ, отправьте ихъ въ Парижъ: пусть они ознакомятся съ нашими правами и съ нашими знаніями. Одинаковость образа мыслей всего болѣе сближаетъ народы между собою и дружить ихъ чрезвычайно скоро.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ озаботился обо всемъ этомъ; издержки по освѣщенію города и содержанію мостовыхъ отнесъ онъ на счетъ жителей; доходы съ монастырскихъ имѣній назначилъ на расходы по

управленію общественнымъ просвѣщеніемъ, сдѣлалъ новое распредѣленіе налоговъ, образовалъ судебную и духовную администрацію, и избавилъ жителей отъ многихъ тягостныхъ обязанностей въ пользу духовенства.

Дюпюи явился къ нему съ отчетомъ о состояніи тюремъ.

— Что вы нашли?

— Много Сициліанцевъ, которые сознаются въ своихъ преступленіяхъ; эти преступники заключены по волѣ неаполитанскаго короля.

— Улучшите ихъ положеніе: болѣе сдѣлать для нихъ я не могу.

— Вассело, человекъ съ обширнѣйшими свѣдѣніями, осужденъ на вѣчное заключеніе.

— Это верхъ низости! освободить его немедленно.

— Семь или восемь человекъ поселянъ, нарушившихъ свои феодальныя обязанности.

— Освободить.

— Нѣсколько гражданъ, сдѣлавшихъ неважные проступки.

— Освободить.

— Шесть сотъ Турокъ — невольщиковъ.

— Сокрушите ихъ цѣли. Пишите:

I. Всѣ жители острововъ Мальты и Гоццы обязаны носить трехцѣтную кокарду. Ни одинъ изъ жителей Мальты не имѣетъ права носить французской

народной одежды, если не получить на то особеннаго дозволенія отъ главнокомандующаго. Главнокомандующій удостоитъ званія гражданина Французскаго и права — носить народную одежду Французовъ, только тѣхъ изъ жителей Мальты и Гоццы, которые отличатся или преданностію Республикѣ, или благотворительностію.

II. Всѣ жители Мальты уравниваются въ правахъ своихъ; единственными отличіями ихъ будутъ душевныя способности, заслуги, любовь къ отечеству и преданность Республикѣ.

III. Всѣ Турки, находящіеся въ невольничествѣ, имѣютъ быть представлены къ коменданту и считаются военноплѣнными; по существующему же между Республикою и Портою Оттоманскою согласію, они будутъ возвращены въ отечество, когда главнокомандующій получитъ свѣдѣніе, что беи соглашаются выслать въ Мальту французскихъ и мальтійскихъ невольниковъ.

IV. Запрещается употреблять гербы и титулы феодальныя, послѣ истеченія десяти дней отъ обнародованія этого повелѣнія.

V. Невольничество уничтожается; невольники, извѣстные подъ именемъ *Bonivagli* освобождаются.

— Бертье, присовокушилъ главнокомандующій, сію же минуту вытребуйте ихъ; разошлите курьеровъ по всему Африканскому берегу: пусть они извѣстятъ о нашей побѣдѣ; пусть возвѣстятъ, что отнынѣ Мальтійцы находятся подъ покровительствомъ Франціи, что права ихъ должны быть свято уважаемы; консулы потребуютъ освобожденія тѣхъ изъ

нихъ, которые походятся въ заключеніи; еслижъ консулы замѣтятъ нерѣшительность со стороны беевъ, то поставитъ имъ на видъ, что Держава, овладѣвшая въ теченіи трехъ дней крѣпостью, въ которой мы теперь находимся, легко можетъ наказать ихъ, если уваженіе къ Республикѣ будетъ нарушено. Въ Албанію посылать не надобно: я имѣю дѣло до Паши и пошлю къ нему Лавалета. Али храбръ: онъ былъ полезенъ намъ— жребій его долженъ измѣниться.

На другой день я опять явился къ генералу. Онъ писалъ письма: я не счелъ приличнымъ войти къ нему. Мы разговаривали въ гостиной о денежныхъ способахъ острова, о храбрости войскъ, объ арестѣ зачинщиковъ мятежа въ Римѣ. Генераль Сень-Сиръ имѣлъ порученіе строго наказать ихъ, но Корсиканцы явно взяли ихъ подъ свое покровительство и Сень-Сиру пришлось уступить.

Однакожъ примѣръ былъ необходимъ для сохраненія дисциплины: мы начинали кампанію, плыли черезъ моря въ страны отдаленныя; неповиновеніе могло быть гибельно для успѣха экспедиціи, и Бонапартъ не поколебался. Впрочемъ, онъ имѣлъ такую власть надъ войсками, что для него все было возможно. Онъ исключилъ изъ службы до двѣнадцати офицеровъ, извѣстныхъ своею мятежническою непокорностію: это исключеніе успокоило и усмирило войска. Наполеонъ нежданно явился передъ нами и сказалъ:

— Да, господа, я очищу ряды наши отъ всѣхъ эгѣхъ безпокойныхъ головъ; иначе онѣ могутъ посягать между нами раздоры и безпокойства. Привер-

женцы политическихъ партій пусть ищутъ себѣ
другой службы.

Явился адъютантъ Клебера.

— Здоровъ ли генераль? спросилъ главнокомандующій: запасается ли дивизія водою? доставлено ли ей мясо?

И въ тоже самое время онъ читалъ письмо, доставленное ему офицеромъ.

— Клеберъ жалѣеть, что пропустилъ случай отличиться.—«Я сиѣшу поздравить васъ, гражданинъ-генераль, — пишетъ онъ — съ важнымъ завоеваніемъ, съ сдѣланнымъ вами для Республики, съ завоеваніемъ, «котораго, къ несчастію, я былъ только зрителемъ.»

— Подвиги наши не ограничатся Мальтой. Слава впереди. Скажите ему, что я цѣню его храбрость, что я полагаюсь на его способности.

Потомъ, обратясь къ Дезэ, онъ присовокупилъ:

— Генераль увѣдомляетъ меня, что ученые петербѣливо желаютъ сойдти на твердую землю; Мюиреръ желаетъ тогоже, и самъ пишетъ мнѣ объ этомъ; замѣтите его къмъ нибудь изъ генераловъ вашего отряда. Генераль Бельяръ, вы уже все видѣли, все узнали; прошу васъ принять начальство надъ войсками, находящимися на судахъ; вы запасетесь свѣжею водою и свѣжими съѣстными припасами; вы сдѣлаете все, что надобно.

Получивъ предписаніе отъ генераль-квартирмейстера, я отправился въ Марта-Сирокко.

Шлюбки были уже спущены въ море, бочки исправлены, — вода была вскорѣ заготовлена; но запа-

стись съѣстными припасами было труднѣе. На островѣ много скота, но мало хлѣба: островъ получаетъ хлѣбъ въ обмѣнъ за свои произведенія; житницы его оказались недостаточными и мы должны были довольствоваться прежними своими запасами; къ счастью, распоряженія главнокомандующаго были окончены. Національная гвардія, администрація, папологи, устройство духовенства—все это было его твореніемъ. Въ теченіе шести дней Наполеонъ обратилъ Мальту въ колонію французскую и сдѣлалъ правителемъ ея — генерала Вобуа.

ГЕНЕРАЛЬ ВЕЛБЯРЬ.

УЧЕНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ВЪ ЕГИПТѢ.

— 1799 —

Исторія не любитъ замѣчать именъ негромкихъ, между тѣмъ какъ изъ этихъ именъ есть такія, которымъ очень и очень стоило бы дать почетное мѣсто на ея страницахъ. Врачъ *Пюнье* (Pugnet) принадлежитъ къ числу этихъ *незамыленныхъ*. Ослѣпляющій блескъ имени Наполеона затмилъ негромкое имя Пюнье. Пюнье родился въ Лионѣ, учился медициной въ Парижѣ. Въ 1797 году, когда Директорія назначила походъ на Востокъ и поручила начальство надъ этою экспедиціею Наполеону, — Пюнье служилъ врачомъ при арміи.

Безкорыстный, челоѣколюбивый Пюнье не правился своимъ собратамъ. Онъ, какъ выражались эти господа, *портить ремесло*. — Удовольствіе, доставляемое добрымъ дѣломъ, Пюнье считалъ лучшею наградою за труды свои. Любимыми паціентами его были бѣдные: онъ отыскивалъ ихъ повсюду; если-бъ Пюнье былъ богатъ, онъ съ радостію платилъ бы за удовольствіе лечить ихъ. Пюнье желалъ одного: сер-

дечной признательности, и искалъ ее на чердакахъ и въ больницахъ.

Вотъ каковъ былъ Пюнье въ то время, когда присоединился онъ къ войскамъ, плывшимъ въ Египеть. Въ началѣ кампаніи занятія Пюнье были невелики. Дѣятельности ученаго врача нашего не было простора. Къ счастью для него, воспослѣдовала Сирійская экспедиція, а послѣ нея появилась чума сильная, безопадная, однимъ словомъ, такая, какой хотѣлось самому Пюнье. Въ эту эпоху холера еще не была европейскою болѣзнію, и чума играла первую роль между страшными, таинственными болѣзнями того времени: судитежъ о радости нашего доктора!

Самоотверженіе его было безпредѣльно. Онъ поселился въ госпиталѣ, наскоро построенномъ на горѣ Кармель. Здѣсь-то, посреди умирающихъ, въ губительной атмосферѣ, изучалъ онъ, въ продолженіе сорока дней, эту болѣзнь, столь быстро умерщвляющую. У Пюнье не было ни помощниковъ, ни медикаментовъ; во все шести-недѣльное пребываніе въ госпиталѣ, онъ спалъ на рогожѣ. Если Пюнье не удавалось спасти больного — онъ старался облегчить его предсмертныя страданія. Тысячи фактовъ доказывали заразительность чумы: товарищи Пюнье умирали одинъ за другимъ; прикосновеніе къ больному было смертоносно; испарина, бѣлье его — были заразительны, и все это не устрашило нашего врача. По его всегдашнему спокойствію нельзя было и подумать, чтобъ онъ былъ такъ близко отъ опасности.

Самоотверженіе Пюнье не измѣнилось и во время отступленія. Онъ былъ послѣднимъ въ арьергардѣ,

наблюдалъ за исправностію врачебной прислуги, приказывалъ подбирать больныхъ, оставленныхъ на до-рогѣ. Въ это-то время замѣтилъ его главнокомандующій и былъ пораженъ его необыкновеннымъ усердіемъ.

— Деженеть, сказалъ онъ главному доктору арміи, дѣятельность этого врача должна быть награждена. Имя его?

Главный докторъ приготовился было отвѣчать, но вдругъ забили тревогу, разговоръ былъ прерванъ, и имя Пюнье Наполеонъ узналъ уже въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ.

Отступленіе кончилось; войско, послѣ четырехъ-мѣсячной безплодной кампаніи, снова увидѣло Египетъ; Наполеонъ, чтобы забыть неудачу, занялся образованіемъ ученыхъ засѣданій. Первое Термидора VII года (19 Іюля 1799 года) въ Каирѣ было торжественное засѣданіе Института. На этотъ разъ въ Бонапартѣ—(онъ былъ членомъ Института)—нельзя было узнать грознаго завоевателя Италіи и Египта: онъ былъ не болѣе, какъ добрый и любезный академикъ. Самая одежда его соотвѣтствовала этой переменѣ: онъ былъ въ простомъ сѣромъ сюртукѣ, сдѣланшемся въ послѣдствіи столь знаменитымъ; разговоръ Бонапарта былъ учтивъ и остороженъ.

Тотчасъ по открытіи засѣданія Наполеонъ изъявилъ желаніе, чтобы Институтъ назначилъ комиссію для разсмотрѣнія чумы во врачебномъ и статистическомъ отношеніяхъ. Монжъ уже былъ предваренъ объ этомъ: онъ согласился на предложеніе Бонапарта и

назначилъ Деженета, Ларрѣя и Жофруа членами комисіи. Это обстоятельство было бы вовсе не замѣчательно, еслибъ Деженеть не принялъ свое новое назначеніе въ обидную сторону.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые обвиняли Деженета въ томъ, что онъ не разгадалъ чумы при ея появленіи и счелъ ее лихорадкою съ нарывами. Назначеніе комисіи, которой какъ будто было поручено изслѣдованіе этого обстоятельства, показалось Деженету послѣдствіемъ обвиненій, на него взведенныхъ. Деженеть всталъ.

— Господинъ президентъ, сказалъ онъ, прошу васъ покорно исключить меня изъ списка. Я не могу и не желаю быть членомъ комисіи.

Можно представить себѣ, какъ удивлено было собраніе этою выходкою. Наполеонъ однакожъ не обнаружилъ ни малѣйшей досады, и очень хладнокрово началъ толковать о правилахъ ученыхъ обществъ.

— Общество имѣетъ право располагать своими членами, сказалъ онъ въ заключеніе.

Но главный докторъ на всѣ возраженія отвѣчалъ только однимъ «нѣтъ», которое вскорѣ началъ произносить съ сердцемъ: это перемѣнило роли—бомба дошула: академикъ въ сѣромъ сюртукѣ заговорилъ тономъ главнокомандующаго.

— Вотъ каковы всѣ вы, медики, хирурги и аптекари, сказалъ онъ повелительно: вы скорѣе погубите

цѣлое войско, цѣлое общество, чѣмъ рѣшится пожертвовать однимъ собою.

За этою оскорбительною выходкою слѣдовали фразы, еще болѣе оскорбительныя, — оскорбительныя до того, что между присутствующими послышался ропоть. — Этотъ ропщущій былъ — Пюнье, Пюнье, фанатикъ своего искусства. Онъ не очень заботился объ обидѣ, нанесенной Деженету, но глубоко оскорбился выходкою противъ врачебнаго сословія вообще. Гнѣвъ его не прошелъ и послѣ засѣданія; вечеромъ, Пюнье написалъ къ Бонапарту письмо слѣдующаго содержанія.

«Генераль! Вы отзывались вчера слишкомъ презрительно о людяхъ, заслуживающихъ общее уваженіе; но, скажите сдѣлайте милость, какое право имѣете Вы, — Вы, которые славою соею обязаны войнѣ, этой язвѣ рода человѣческаго — осуждать людей, посвятивш ихъ себя на служеніе страждущему человечеству, людей, которымъ совершенно чужда война? И что же такое мы, хирурги и врачи, если не цѣлители язвъ, вами наносимыхъ?»

Пюнье. «

Это страшное письмо, подъ которымъ подписался человѣкъ, совершенно неизвѣстный, удивило и разсердило Бонапарта.

— Есть ли въ числѣ медиковъ, сказалъ онъ Бертье, сумасшедшій, котораго зовутъ Пюнье?

Бертье отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ истребовать о немъ свѣдѣніе отъ Деженета, присовокупилъ Наполеонъ.

Къ счастью Деженеть уже зналъ о выходкѣ нашего доктора и очень искусно выручилъ его изъ бѣды. Донесеніе главнаго доктора арміи состояло въ слѣдующихъ словахъ: «Генераль, нѣкогда Вы требовали отъ меня такого же донесенія, какого требуете нынѣ: припомните ли Вы врача, который съ такимъ самоотверженіемъ и такъ дѣятельно исполнялъ свои обязанности во время отступленія изъ Сиріи? Вы желали въ то время узнать его имя: — это имя — Пюнье.»

Въ тотъ же самый день Деженеть и Пюнье обѣдали у главнокомандующаго. Бонапартъ ласково взялъ Пюнье за бакенбарды и сказалъ:

— Вы, молодой человѣкъ, южный уроженецъ? экой вспыльчивой.... Я весь вашъ: требуйте, чего вы желаете.

За обѣдомъ Наполеонъ былъ такъ любезенъ, такъ ласковъ, что Пюнье былъ растроганъ до глубины души.

Въ Египтѣ нашъ докторъ не просилъ ничего, но по возвращеніи во Францію, онъ явился въ Лионъ къ Первому Консулу, занимавшемуся въ то время образованіемъ управленія Италіи. На этотъ разъ Пюнье явился къ Наполеону съ просьбою. О чемъ же просилъ нашъ добрый докторъ? чего требовалъ этотъ человѣкъ, столь безкорыстный? Доходнаго, покойнаго мѣста во Франціи? Отнюдь нѣтъ. Онъ просилъ дозволенія отправиться въ экспедицію

на Сень-Доминго: ему хотѣлось изучить желтую лихорадку. Пюнье просилъ настоятельно— позволеніе было дано.

Это было самое замѣчательное время въ жизни Пюнье. Въ Сень-Доминго онъ поступалъ съ такимъ же скромнымъ, геройскимъ самоотверженіемъ, какъ и въ Сиріи: желтая лихорадка пощадила его также, какъ и предшественница ея — чума.

В ю,

бывшій главный хирургъ императорской гвардіи.

БАЛЪ У ТАЛЕЙРАНА.

Въ Іюнь 1789 года прогуливался я въ садахъ Версальскихъ. Во время прогулки, я замѣтилъ чело-вѣка, который уединенно лежалъ подъ деревомъ и, какъ казалось, былъ гораздо болѣе занятъ своими собственными мыслями, чѣмъ книгою, которую держалъ онъ въ рукѣ. Пріятная, но вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливая фізіономія незнакомца показалась мнѣ очень замѣчательною. Очевидно, что это былъ чело-вѣкъ болѣе занимавшій собою другихъ, чѣмъ самъ занимавшійся другими; чело-вѣкъ, который, не смотря на свою молодость, уже былъ пресыщенъ удо-вольствіями: я счелъ бы его пажемъ или какимъ-нибудь полковникомъ въ милости, еслибъ одежда и прическа его были на свѣтскій ладъ. Это какой-нибудь важный духовный, который отдыхаетъ послѣ обѣда, подумалъ я и пошелъ далѣе.

Цѣлой годъ прошелъ послѣ этой встрѣчи; въ те-ченіе этого года совершился первый періодъ рево-люціи.

Юля 14-го, 1790 года на Марсовомъ полѣ служили обѣдно подѣ открымъ небомъ. Молящихся было до полумилліона; посреди поля, на возвышеніи былъ устроенъ алтарь, который окружало духовенство въ полномъ облаченіи; за духовенствомъ стояли военные. Вдругъ духовенство и военные разступаются; отъ алтаря идетъ Епископъ и кропитъ народъ святой водою.

— Это аббатъ Талейранъ де Перигоръ; это Епископъ Отюньскій! говорятъ въ народѣ.

Каково же было мое удивленіе, когда въ этомъ прелатѣ я узналъ моего версальскаго духовнаго. Въ теченіи этого года я много наслышался объ Отюньскомъ Епископѣ; паружность его объяснила мнѣ его поведеніе: оно было для меня разгадкой его наружности, которая удивительно гармонировала съ его нравственностію.

До этого времени я видѣлъ Талейрана только издали. Въ послѣдствіи, когда въ 1796 году, по предложенію Шенье, Конвентъ дозволилъ Талейрану воротиться во Францію, я видѣлъ этого замѣчательнаго челоуѣка вблизи.

Вскорѣ послѣ этого возвращенія, Талейранъ поѣхалъ къ Г-жу Латуръ, у которой къ счастью и я находился въ то время: это было въ Сень-Лѣ.

Талейранъ, какъ вы сами можете себѣ представить, занималъ мое любопытство какъ не лзя больше. Я думалъ, что онъ вовсе не обратитъ на меня вниманія, но вышло совершенно напротивъ. Онъ обошелся со мною весьма ласково; я провелъ этотъ ве-

черь очень пріятно, и въ добавокъ еще выигралъ у Талейрана нѣсколько экю. Я думалъ, что этотъ проигрышъ памятенъ Талейрану, потому что въ то время кошелекъ бывшаго Епископа Отюнскаго былъ также нетуго набить, какъ и мой тогда, какъ я возвратился изъ ссылки, въ которую изволилъ отправить меня «Епископъ» въ 1815 году. — Быть можетъ, инымъ покажется удивительнымъ, что мнѣ удалось обыграть Талейрана; но — увы! я обыгралъ его въ азартную игру, а не въ коммерческую игру. Въ игрѣ, требующей соображенія, онъ былъ бы побѣдителемъ.

Мнѣ и въ голову тогда не приходило, что этотъ прелать попадетъ со временемъ въ государственные люди и составитъ себѣ состояніе чѣмъ нибудь инымъ, а не торговыми спекуляціями, въ которыхъ онъ былъ свѣдущъ не хуже самаго ловкаго негоціанта. Я не думалъ, чтобы вѣрный защитникъ конституціи 1791 года сдѣлался защитникомъ конституціи 1800 года; но я ошибался. Когда я возвратился изъ Италіи, гражданинъ Талейранъ былъ уже министромъ. Благодаря 18-му Фруктидора и дѣятельной дружбѣ г-жи Сталь, онъ получилъ мѣсто, которое занималъ Карлъ Лакруа. И такъ Талейранъ былъ министромъ Директоріи, когда я очутился у него вмѣстѣ съ Бонапартомъ. Благоклонность, оказываемая мнѣ генераломъ, имѣла, безъ сомнѣнія, благотворное вліяніе и на расположеніе ко мнѣ Талейрана.

Талейранъ разсуждалъ со мною о литературѣ; онъ говорилъ о многихъ писателяхъ и особенно о Шамфорѣ. Мнѣ казалось очень удивительно, что

бывшій Епископъ не слишкомъ принимаетъ къ сердцу похвалы мои Шамфору, который былъ полезенъ ему не одинъ разъ.

Но будемъ рассказывать по порядку. И такъ Талейранъ вздумалъ задать праздникъ въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и уже успѣлъ пригласить на него Бонапарта и выпросить у г-жи Бонапартъ списокъ тѣхъ особъ, которыхъ желала она видѣть на праздникъ. Въ этотъ списокъ вѣроятно былъ включенъ и я, потому что на другой день я получилъ приглашеніе.

На праздникъ Талейрана или, если вамъ угодно, на балъ его собралось лучшее парижское общество. Впрочемъ я и не упоминалъ-бы объ этомъ балѣ, если-бы онъ не ознаменовался происшествіемъ, довольно замѣчательнымъ.

Я обѣдалъ у Бонапарта и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ на балъ. Входя въ залу, генералъ сказалъ мнѣ: «дайте мнѣ вашу руку» и тотчасъ же завладѣлъ ею; потомъ, вѣроятно подумавъ, что такой поступокъ можетъ показаться мнѣ страннымъ, присовокупилъ: «Вы спасете меня отъ множества докучъ; покаместъ мы будемъ вмѣстѣ, никто не осмѣлится завести со мною разговора, потому что это значило бы мѣшать намъ. Пройдемся по залѣ; вы скажете мнѣ имена замаскированныхъ: вѣдь вы ихъ всѣхъ знаете?»

Я боялся, чтобы меня не обвинили въ тщеславіи, чтобы не сказали, что я, слѣдя за Бонапартомъ, желаю обратить на себя общее вниманіе, и думалъ было уйти отъ Наполеона, но послѣ этихъ словъ

его, опасенія мои исчезли. И вотъ мы, взявшись за руки, расхаживаемъ по моднымъ заламъ: на насъ смотрять съ любопытствомъ, — мнѣ завидуютъ. Не смотря на эту предосторожность Бонапарта, насъ окружили, и Наполеону не удалось отдѣлаться отъ докучныхъ его преслѣдователей.

Разговоръ завязался; Наполеонъ выпустилъ мою руку и я успѣшилъ воспользоваться своею свободою. Но только что успѣлъ я усѣсться на лавочку, стоявшую между двумя окнами въ первой залѣ, пришла г-жа Сталь и сѣла подлѣ меня.

Съ госпожею Сталь я былъ знакомъ весьма мало; по ея желанію, меня представилъ ей въ Италіи Реньо де Сень-Жанъ д'Анжели, но послѣ этого перваго визита я ни однажды не заглянулъ къ г-жѣ Сталь, хотя и былъ очень обласканъ ею и очень цѣнилъ ея расположеніе.

— До вашего генерала вовсе нѣтъ доступа, сказала мнѣ г-жа Сталь—сдѣлайте одолженіе представьте меня Бонапарту.

Зная, что Наполеонъ не очень ее жаловаль, я всѣми силами старался отклонить ее отъ этого намѣренія, не упоминая однакожь о нерасположеніи къ ней Бонапарта. Г-жа Сталь не послушалась этихъ увѣщаній, схватила меня за руку и повела прямо къ Наполеону. Толпа, окружавшая его, разступилась. Дѣлать было нечего,—надобно было представить писательницу. Однакожь, желая избавиться отъ отвѣтственности и уже замѣчая, что генераль начинаетъ сердиться, я сказалъ ему:

— Г-жа Сталь думаетъ, что имя ея не довольно извѣстно вамъ, и потому желаетъ, чтобы я пред-

ставалъ ее: позвольте мнѣ, генераль, исполнить это желаніе.

Гости, толпившіеся около Бонапарта, подступаютъ къ намъ еще ближе: разговоръ такихъ собесѣдниковъ, какъ Наполеонъ и Г-жа Сталь, стоитъ послушать. Г-жа Сталь начала восторженными complimentами; Бонапартъ отвѣчалъ на нихъ холодно, но учтиво. Всякая другая женщина, встрѣтивъ такой пріемъ, тотчасъ замолчала-бы, но она, не обращая ни на что вниманія, не замѣчая неудовольствія, ясно выражавшагося на лицѣ и въ голосѣ ея собесѣдника, преслѣдовала его распросами, стараясь, въ тоже самое время, дать ету замѣтить, что она считаетъ его величайшимъ изъ людей.

— Генераль, говоритъ она между прочимъ, какая женщина правится вамъ больше всѣхъ?

— Жена моя, сударыня.

— Это очень естественно; но какая женщина, по вашему мнѣнію, заслуживаетъ наибольшее уваженіе?

— Та, которая занимается своимъ хозяйствомъ.

— Я понимаю и это; но скажите, какой женщины вы отдаете первенство?

— Той, у которой больше дѣтей, сударыня. Произнеся эти слова, Бонапартъ оставилъ Г-жу Сталь посреди толпы, которая развеселилась отъ этой сцены.

Г-жа Сталь была очень огорчена неудачею и сказала мнѣ:

— Вашъ великій человекъ очень страненъ!

Бонапартъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, не жаловалъ Г-жу Сталь; зная характеръ ея и зная

о вліяніи ея на событія Фруктидора, Бонапартъ легко могъ подумать, что она старалась сблизиться съ нимъ для того, чтобы имѣть возможность владычествовать надъ нимъ, и что она льстила ему, какъ обыкновенно льстятъ, какъ обыкновенно ласкаютъ лошадь, которую желаютъ приучить ходить подъ сѣдломъ. Дорожа своею независимостью, какъ въ послѣдствіи дорожилъ онъ своею властію, Наполеонъ успѣшилъ отдалить отъ себя эту докучную амазонку, которая, однакожь, не оставила его въ покоѣ и получила урокъ еще болѣе суровый. Г-жѣ Сталь хотѣлось повелѣвать цѣлымъ свѣтомъ, а Бонапарту не хотѣлось ни кому повиноваться.

Таково-то было это свиданіе, свиданіе, о которомъ такъ много говорили. Еслибъ Г-жа Сталь была разсудительнѣе, она остановилась-бы на этой попыткѣ; но, къ сожалѣнію, разсудительность не была господствующею способностью знаменитой сочинительницы «Коришны.»

Праздникъ этотъ былъ настоящій праздникъ для всѣхъ гостей Талейрана. Имя Бонапарта, провозглашаемое всѣми, было провозглашено и оркестромъ. Контр-дансъ, названный именемъ завоевателя, былъ сыгранъ впервые на этомъ балѣ и сдѣлался въ послѣдствіи любимымъ танцемъ на всѣхъ балахъ, у бѣдныхъ и у богатыхъ.

Танцы были прерваны пышнымъ ужиномъ, въ продолженіе котораго Лэ, этотъ Тиртей того времени, пѣлъ остроумные куплеты, сочиненные въ честь героя праздника. Въ этихъ куплетахъ прославлялись его прошлые и даже будущіе подвиги, прославлялось счастливое окончаніе экспедиціи, приготовленія къ

которой занимали вниманіе всей Езропы. Особенно понравилась заключительная мысль экспромта на этотъ предметъ. Я не припомню стиховъ, но вотъ смыслъ ихъ: «Тому, кто принудилъ Австрійцевъ подписать миръ подъ стѣнами Вѣны, тому бездѣлка перевѣдаться съ Англичанами.» Никогда Бонапарта не хвалили болѣе и никогда ему не льстили менѣе.

А. В. Арно,

членъ французской академіи.

НЕПРЕДВИДЬБИМЫЙ ПОЕДИНОКЪ.

Первый Консуль, желая получить точное понятіе о состояніи религіи во Франціи, и требоваль изо всѣхъ провинцій самыя подробныя свѣдѣнія по этому предмету.

Собраніе этихъ свѣдѣній было первымъ шагомъ къ заключенію конкордата; впрочемъ, быть можетъ, что мысль о конкордатѣ—это дитя политики и редигозныхъ наклонностей перваго консула — и прежде таилась въ душѣ его. Какъ-бы то ни было, но когда однажды Монжъ, при разговорѣ о конкордатѣ, сказалъ Наполеону:

— Будемъ однакожь надѣяться, что мы не дойдемъ до индульгенцій!

— Какъ знать! со смѣхомъ отвѣчалъ первый Консуль.

Съ этой-то эпохи начинается охлажденіе привязанности къ нему. какъ во Франціи, такъ и за границей и, преимущественно, привязанности сѣверныхъ ученыхъ. Эти господа ученые считали Наполеона героемъ, которому предназначено довершить повѣщія